

— Он вернулся!

С тех пор как восемь тысяч учеников разных орденов вступили в войну бессмертных с демонами и после битвы в живых осталось лишь две тысячи, незаметно минуло уже десять лет.

Картина того, как четыре великих ордена окружили демоническую секту, по-прежнему стояла перед глазами.

Тогда казалось, будто сами небо и земля погрузились в хаос. Сияние заклинаний вспыхивало молниями, пересекало всё вокруг, боевые крики сотрясали небеса и землю, и даже воздух дрожал.

Но страшнее всего эта война обошлась невинным простым людям.

Деревни безжалостно сравнивало с землёй огнём войны. Густой дым застилал небо, повсюду раздавался плач.

Смертные ни за что были втянуты в эту катастрофу. Они бежали куда глаза глядят, но спрятаться было негде, и большинство погибло в той самой так называемой победоносной войне.

— Кто вернулся?

— Ученик Сытуна-саньжэня — Чан Яньдао!

Говоривший торопился, и в его голосе слышался плохо скрываемый страх.

Услышав это, все сразу переполошились.

— Правда?

— Сегодня утром его собственными глазами видели сходящим с корабля. Он уже вошёл в Чанмин!

Новость словно огромный камень упала в тихое озеро и мгновенно подняла тысячу волн.

— Не обознались? Столько лет прошло, он давно должен был умереть. Как он вообще ещё жив?! — на лице одного из собравшихся застыло полное неверие.

— Ха! Он предал учителя и украл бессмертную пилюлю. Давно уже стал нестареющим бессмертным. Разве такого легко убьёшь?

— А ведь раньше он ещё помогал бессмертным орденам ловить призраков и истреблять нечисть. Как же в итоге докатился до такого?

— Всё из-за денег. Не заплатишь достаточно — он станет помогать?

— Чёрт бы его побрал! Во время войны бессмертных с демонами его и след простыл, а теперь, когда жизнь успокоилась, какого чёрта он припёрся обратно?! — лица людей пылали гневом.

— Он думает только о собственной шкуре. Ему главное самому уцелеть, а до нашей жизни и смерти какое дело!

Тут один из собравшихся ехидно протянул:

— Десять лет не возвращался. Наверное, теперь приехал старую любовь искать.

— Какую ещё старую любовь?

— Ты и этого не знаешь? Недавно назначенного молодого главу Ордена Нефритового Рога — Лу Цинфэна!

Люди переглянулись. Один не выдержал:

— Лу Цинфэн всё-таки ученик великого бессмертного ордена, верный и благородный человек. Как он вообще связался с таким головорезом, который убивает и глазом не моргнёт?

— А всё потому, что тогда Чан Яньдао лип к молодому главе Лу, как пластырь!

Но, несмотря на эти слова, в глубине души все знали: Чан Яньдао и Лу Цинфэна связывала необычайно глубокая дружба.

Сцена, когда Чан Яньдао в одиночку сразился с Девятью Сяо, до сих пор крепко отпечаталась в памяти людей.

Один против девяти — и он подавил их всех своей силой. Каждый, кто видел тот бой, был потрясён.

А когда позже выяснилось, что он ученик бессмертного Сытуна-саньжэня и владеет непостижимо глубокими бессмертными искусствами, люди стали бояться его ещё сильнее.

Пусть в той войне бессмертных с демонами десять лет назад Чан Яньдао и не появился на поле боя, в глазах всего мира он был словно решающая гиря на чаше весов.

Стоило ему помочь любой из сторон — и победа этой стороны почти наверняка была бы обеспечена.

Его сила была настолько велика, что, как бы люди ни возмущались слухами о предательстве учителя и краже пилюли, обсуждать это они осмеливались лишь шёпотом за его спиной. Высказать что-либо ему в лицо никто не решался.

...

Чанмин был самым процветающим городом у самого подножия трона. Здесь располагался один из четырёх великих орденов — Орден Нефритового Рога.

В главном зале ордена стояла такая тишина, что можно было услышать падение иглы.

Лу Цинфэн сидел на стуле. По его тёмно-синему облегающему одеянию серебряной нитью тянулся узор в виде оленя — от воротника к рукавам и подолу, делая его облик ещё более отрешённым от мирской суеты.

Он держал кисть и тщательно выводил рисунок.

Внезапно в зал вбежал встревоженный ученик и торопливо доложил:

— Молодой глава! Беда! Барьер разрушен, кто-то самовольно проник внутрь!

Рука Лу Цинфэна едва заметно замерла. Он спокойно отложил кисть.

— Понял. Сначала выйди.

Когда ученик поспешно удалился, Лу Цинфэн только поднялся, как над головой послышался тихий шорох.

Раздался ясный смех. На потолочной балке сидел на корточках высокий человек в чёрном облегающем одеянии. Лицо скрывала тень, черты невозможно было разглядеть.

Всего по одному этому смеху сердце Лу Цинфэна бешено забилося. Он мгновенно понял, кто перед ним, но не смел поверить, боясь вновь разочароваться.

— Давно не виделись. Слышал, тебя повысили, вот специально пришёл взглянуть. — Не успели слова стихнуть, как Чан Яньдао распрямился и лёгким движением спрыгнул с балки, словно чёрная полоска света.

Лу Цинфэн неотрывно смотрел на Чан Яньдао. Его губы чуть разомкнулись: будто хотелось сказать тысячу слов, но ни одно не шло с языка.

Чан Яньдао перевёл взгляд и заметил на столе рисунок — похоже, чей-то портрет.

Уголки его губ приподнялись, и он привычно поддразнил:

— А ты всё рисуешь. И мастерство, как всегда... — он нарочно растянул паузу, — ужасное. Брось уже.

С этими словами он поднял свиток.

— Так увлёкся... Что за красавица заставила тебя потерять голову? Я вломился, а ты даже не заме...

На полуслове улыбка застыла.

Взгляд приковало к бумаге.

На ней был изображён красивый юноша с мечом. Его движения выглядели лёгкими и живыми, словно он вот-вот выпрыгнет из рисунка. Внизу аккуратным почерком была выведена строка: «Старый близкий друг — Чан Яньдао».

Чан Яньдао застыл. Насмешливое выражение постепенно исчезло с лица, уступив место растроганности.

Лу Цинфэн заговорил:

— Ты вернулся.

— Да. Вернулся.

Чан Яньдао осторожно положил рисунок. Движение выглядело небрежным, но, если присмотреться, в его глазах нетрудно было заметить тревогу.

Лу Цинфэн бесстрастно смотрел на него. Лишь спустя долгое время он медленно произнёс, будто выдавливая слова сквозь зубы:

— Я думал, ты умер.

— Что? — Чан Яньдао округлил глаза. — Я только вернулся, а ты уже меня проклинаешь?

Голос Лу Цинфэна едва заметно задрожал. В нём прорвалась обида, которую он подавлял много лет:

— А иначе почему за целых десять лет от тебя не пришло ни одной вести? Почему тогда ты ушёл так решительно?!

Сказав это, он быстро шагнул вперёд.

Чан Яньдао машинально попятился и с глухим стуком упёрся спиной в край стола.

Он слегка опустил голову, будто не решался встретиться с Лу Цинфэном взглядом, и пробормотал:

— Обстоятельства вынудили... У меня правда не было выбора...

Но Лу Цинфэн не остановился и продолжал приближаться.

Чан Яньдао невольно вцепился ладонью в стол позади себя. Пожалуй, во всём мире лишь Лу Цинфэн мог заставить всегда беспечного и свободолюбивого Чан Яньдао настолько растеряться и занервничать.

— Прости... — с трудом выдавил Чан Яньдао, а затем словно спасаясь бегством скользнул в сторону и, изображая спокойствие, добавил: — Но я ведь вернулся.

Лу Цинфэн медленно протянул руку, поднял со стола рисунок и, глядя на него с серьёзным выражением, сказал:

— Все эти годы я хотел сказать тебе одну вещь.

Чан Яньдао до этого лениво прислонялся к колонне. Увидев, каким серьёзным стал Лу Цинфэн, он поднял бровь и поддел:

— Ого. За десять лет, наверное, накопилась целая телега слов? Может, найдём место, поедим и поговорим?

— Только одна фраза.

В глазах Чан Яньдао мелькнуло удивление. Затем он с интересом тряхнул хвостом, скрестил руки на груди и принял нарочито серьёзный вид:

— Тогда я весь во внимании.

Лу Цинфэн медленно поднял голову. Взгляд его постепенно переместился с рисунка на лицо Чан Яньдао. Их глаза встретились, и в глазах Лу Цинфэна будто всколыхнулись тысячи чувств.

— Десять лет... я к тебе... — он остановился и повторил: — Я к тебе всем сердцем.

Чан Яньдао словно поразило заклятием неподвижности. Он мгновенно застыл.

Он приоткрыл рот, но не знал, что ответить. Между ними воцарилась тишина.

И как раз в этот миг снаружи зала налетел прохладный ветерок. Одним порывом он отбросил мысли Чан Яньдао на десять лет назад — в такую же ночь, когда тоже дул лёгкий ветер.

<http://bllate.org/book/19831/1959398>